

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА / VIEW POINT

Восточноазиатская модель развития и ее страновые субмодели: общее и особенное (на примере Китая)

© 2025

DOI: 10.31857/S0131281225020081

Карлусов Вячеслав Всеволодович

Доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0003-2632-1542.

E-mail: vk5577@yandex.ru; karlusov@mgiimo.ru

Статья поступила в редакцию 17.12.2024.

Аннотация:

В статье с позиций ретроспективного системного анализа осуществлено исследование общих и особых характеристик восточноазиатской модели развития (ВAMP) с учетом соответствующего опыта современного Китая, дано авторское понимание *модели развития* экономики конкретного региона мира и входящих в него стран, а также констатированы актуальность и важность системного анализа национальной адаптации ВAMP в КНР как одной из крупнейших стран мира (первой по объему национальной экономики, второй по численности населения и третьей по размерам территории). В статье представлен авторский вариант периодизации и эволюции стратегии экономического и социального развития Китая во второй половине ХХ — первой четверти ХХI вв. Изучены общие черты и национальная специфика институционального регулирования перехода экономики Китая от экспансивного к интенсивному росту, от индустриальной к постиндустриальной стадии, от имитационного к инновационному типу развития. Исследованы механизмы государственно-частного партнерства (ГЧП), включая специфику взаимоотношений государства с корпоративным, малым и средним предпринимательством (МСП). Во втором разделе статьи сформулированы обобщающие выводы, касающиеся конструктивных достоинств ВAMP, объясняющих в целом успешное догоняющее и опережающее развитие ряда стран и экономик, применяющих те или иные варианты этой модели. В частности, констатировано, что созданные в рамках ВAMP системы государственно-институционального регулирования экономики не только обеспечивают более высокие, чем на Западе, темпы экономического роста на этапе индустриализации, но и последующую более быструю смену стадий развития экономики, включая переход к современному эффективному и инновационному росту, трансформацию догоняющего развития в опережающее. Охарактеризованы наиболее общие недостатки и проблемы ВAMP, касающиеся, в частности, коррупционного срачивания властных структур и бизнеса и применяемых способов и путей их преодоления.

Ключевые слова:

восточноазиатская модель, Китай, государственное регулирование экономики, корпорации, МСП, ГЧП, догоняющее и опережающее развитие.

Для цитирования:

Карлусов В.В. Восточноазиатская модель развития и ее страновые субмодели: общее и особенное (на примере Китая) // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 2. С. 116–130. DOI: 10.31857/S0131281225020081.

Согласно авторскому пониманию применительно к предмету настоящего исследования, *модель* — это формализованное описание основных тенденций развития какого-либо объекта (например, страны и/или региона) с использованием совокупности математических показателей, характеризующих механизм, динамику, структуру развития, а также внешние связи данного объекта. С точки зрения методологии ретроспективного системного анализа общественных процессов, *модели развития* конкретного региона мира и входящих в него стран — это комплексные описания основных характеристик их об-

щественного развития, включая его базовый (экономика и социальная сфера) и институциональный (политика, право, идеология, наука, культура и др.) уровни. Другими словами, модель развития общества (или социомодель развития — термин авт.) может быть представлена как системная интеграция ее экономической, социальной и институциональных составляющих.

Концентрируясь на экономике и социальной сфере как базовом уровне общественных отношений, при исследовании восточноазиатской модели развития (the East Asian development model) в компартивном анализе стран, входящих в регион Восточной Азии (ВА), на наш взгляд, следует уделять особое внимание таким характеристикам и параметрам, как сопоставление уровней и стадий развития, соотношение форм собственности, региональная общность и национальная специфика взаимодействия экономических агентов, включая отношения государства с корпорациями и малым и средним предпринимательством (МСП), корреляция и пропорции между *тремя основными механизмами общественного регулирования экономики* — государственным, корпоративным и собственно рыночным (механизмом рыночной саморегуляции)¹.

Опыт Китая в этой связи, при всех очевидных *особенностях* пути его развития, на наш взгляд, вдвойне интересен тем, что он демонстрирует всему миру весьма конструктивный пример национальной адаптации и масштабирования ВАМР в стране с многочисленным населением, основанный в том числе на пристальном изучении и учете опыта Японии и «азиатских тигров» и ставший, в свою очередь, объектом внимания и даже образцом для подражания для многих стран и экономик с формирующимся рынком (*emerging market economies*), включая переходные и развивающиеся рыночные, в числе которых, в частности, такие страны ВА, как Вьетнам, Индонезия, Лаос, КНДР и другие².

В ходе исследования автор учитывал ряд общих положений и выводов работ известных российских востоковедов. В частности, исследование *китайской экономической модели и стратегии развития* отражено в фундаментальных работах таких российских синологов, как Е.Ф. Авдокушин³, Я.М. Бергер⁴, А.В. Виноградов⁵, Л.И. Кондрашова⁶, А.В. Островский⁷, Э.П. Пивоварова⁸, В.Я. Портяков⁹, М.А. Потапов, А.И. Салицкий¹⁰ и др.

В плане изучения воздействия ВАМР на развитие интеграционных процессов в ВА и АТР, на наш взгляд, следует выделить недавно опубликованную монографию коллектива ученых ИВ РАН, представляющую собой фундаментальное исследование экономи-

¹ См., в частности: Карлусов В.В., Захарова Л.В., Ребрей С.М. Восточноазиатская модель развития и ее страновые субмодели: общее и особенное (на примерах Японии и Южной Кореи) // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 1. С. 59–76. DOI: 10.31857/S0131281225010053

² Карлусов В.В., Захарова Л.В., Ребрей С.М. Восточноазиатская модель развития и ее страновые субмодели: общее и особенное (на примерах Японии и Южной Кореи) // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 1. С. 59–76. DOI: 10.31857/S0131281225010053

³ Авдокушин Е.Ф. Достижения и проблемы китайской инициативы «Один пояс, один путь»: о некоторых итогах 10-летней реализации // Пространственная экономика: проблемы региональных экономических объединений. М.: «Перо», 2023. С. 14–22.

⁴ Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М.: Форум, 2009. 557 с.

⁵ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиск новой идентичности. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 333 с.

⁶ Кондрашова Л.И. Китай: к новой модели общественного развития. М.: ИД «ФОРУМ», 2017. 336 с.

⁷ Островский А.В. Китайская модель перехода к рыночной экономике. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2007. 205 с.

⁸ Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М.: ИД «ФОРУМ», 2011. 352 с.

⁹ Портяков В.Я. Муравей грызет кость. М.: ИД «ФОРУМ», 2018. 461 с.

¹⁰ Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. Экономика современной Азии: учебник. М., 2011. 264 с.

ческого взаимодействия стран АТР в форматах «АСЕАН+3» (10 стран АСЕАН, Китай, Япония и Южная Корея) и «АСЕАН+6» (страны АСЕАН, Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия)¹¹.

Были приняты во внимание и аналитические разработки ряда зарубежных ученых и экспертов мирового и восточноазиатского уровней, в частности К. Акамацу¹², Л. Берталанфи¹³, В. Блэнчарда¹⁴, Ли Чжоу¹⁵, Э. Мэддисона¹⁶, Линь Ифу, Дж. Сазерленда¹⁷, Су Сяохуэя¹⁸, У.Фабрицки, Цай Фана, Чжун Наня¹⁹, Чунь Линя²⁰, Ян Чуана²¹ и др.

В то же время, критично оценивая аналитику, автор опирался на первоисточники, в частности, на аутентичные базы данных мировой, региональной и национальной статистики.

Китай как пример национальной адаптации и масштабирования ВАМР

Эволюция китайской модели экономического развития в период существования КНР связана, прежде всего, с радикальной *трансформацией отношений собственности* на условия и результаты производства. Она представляет собой поэтапный переход от неразвитой рыночной к административно-командной и затем вновь к восстановлению, развитию и институализации уже относительно нормативной и современной рыночной экономики²².

Специфика современного реформенного периода (после 1978 г.) в основном определяется институциализацией рыночных отношений как отношений долговременного co-существования частной и общественной собственности на «начальной стадии социализма»²³. В этом смысле «социализм с китайской спецификой» оказался весьма жизнеспособной и прагматичной теоретической моделью государственно-частного партнерства, а в более широком смысле — моделью государственно-регулируемой, смешанной по

¹¹ Дальневосточный центр мировой экономики / Отв. ред. Акимов А.В. М.: Институт востоковедения РАН, 2024. 308 с. В 2020 г., после более чем десятилетних переговоров его участников, при активнейшей роли КНР формат «АСЕАН+6» был, наконец, институциализирован в качестве т.н. Регионального всестороннего экономического партнерства — РВЭП (*Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP*), соглашение о котором вступило в действие с начала 2022 г. (некоторые данные о масштабах РВЭП в мировых сопоставлениях приведены во второй части настоящей статьи).

¹² Akamatsu K.A. Historical pattern of economic growth in developing countries // *The Developing Economies*. 1962. No. 1 (1). Pp. 3–25.

¹³ Bertalanfy L.V. General System Theory. Foundations, Development, Applications. NY, 1969. 295 p.

¹⁴ Blanchard B.S., Fabrycky W.J. Systems Engineering and Analysis. Prentice Hall, 2006. 846 p.

¹⁵ Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо / Перевод с кит. яз. М.: Восточная литература РАН, 2001. 367 с.

¹⁶ Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. OECD. Paris, 2001. 273 p.

¹⁷ Sutherland J. W. Systems: Analysis, Administration and Architecture. NY, 1975. 339 p.

¹⁸ Su Xiaohui. It's time to build a community of shared future for mankind // *China institute of international studies*. January 25, 2018. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2018-01/25/content_40203014.htm (дата обращения: 12.05.2019).

¹⁹ Zhong Nan. Country's Foreign Trade Shows Strong Resilience // *China Daily*. September 11, 2024.

²⁰ Chun L. China and Global Capitalism. Palgrave Macmillan, 2013. 266 p.

²¹ 外交学: 理论与实践 (下) [Дипломатия: теория и практика] / 杨闯等著. 北京: 世界知识出版社, 2018年. 315页.

²² Подр. см.: Карлусов В.В., Калашников Д.Б. Глава 18. Китай // Мировая экономика и международные экономические отношения / Под ред. А.С. Булатова. М.: КноРус, 2021. С. 361–363.

²³ По мнению основоположника китайских рыночных реформ Дэн Сяопина, эта стадия продлится «как минимум сто лет».

формам собственности, социально-ориентированной рыночной экономики²⁴, адаптированной к национальному менталитету и другим реалиям КНР.

Для современной китайской модели социально-экономического развития характерна сильная роль государства в общественном развитии, реализуемая в условиях рыночной экономики, а также сохраняющаяся монополия государства на принятие основных решений в стратегически важных отраслях. При этом сочетаются меры административного, прямого и косвенного рыночного воздействия на экономику, варьируемые по секторам (государственный, частный, смешанный) и в зависимости от экономической конъюнктуры внутреннего и внешнего рынков. Одним из важных инструментов государственного регулирования экономики является механизм планирования, трансформировавшегося из преимущественно директивного в преимущественно индикативное (направляющее). Особое значение в арсенале рыночных методов регулирования экономики придается денежно-кредитной, налогово-бюджетной и валютной политике, а также госрегулированию в сфере внешнеэкономической открытости (привлечение иностранного капитала и технологий, транснационализация китайских компаний в рамках современной политики «выхода за рубеж», 走出去战略)²⁵.

Среди других важных особенностей модели «социализма с китайской спецификой» можно выделить:

- развитие приватизационного процесса «снизу», преимущественно за счет собственного первоначального накопления капитала мелкотоварными производителями, а также за счет относительно ограниченного кредитования последних со стороны частных банков²⁶;
- сдача в пролонгированную аренду частникам малых и средних государственных предприятий, особенно на начальных стадиях современных рыночных реформ, с последующей приватизацией этих предприятий²⁷;
- многоплановая институциональная поддержка малого и среднего предпринимательства (МСП) на последующих этапах указанных реформ с ориентацией его на постепенное превращение в основной драйвер экономического развития страны и главный источник налоговых поступлений в госбюджет;

²⁴ Уже в 1980–2000-е гг. реальные подушевые доходы населения в Китае выросли примерно в 8 раз (при росте ВВП в 15 раз). Однако в гораздо большей мере социальная ориентация экономики КНР стала проявляться в 2010–2020-е гг., что связано, прежде всего, с такими взаимосвязанными обстоятельствами, как: сокращение прироста трудовых ресурсов; выравнивание или даже опережение темпов роста ВНД по отношению к ВВП (и, как следствие, более чем десятикратный рост заработной платы в среднем по стране в указанный период); «двойная циркуляция» экономики с ее ориентацией на повышение емкости внутреннего рынка и увеличение покупательской способности населения; переход к постиндустриальной стадии развития, предполагающий, в частности, перенос центра тяжести с инвестиций в физический (основной и оборотный) в инвестиции в человеческий капитал (здравоохранение, образование, науку и культуру) (*Karlusov V., Kalashnikov D. Chapter 19. China. in World Economy and International Business: Theories, Trends, and Challenges. Springer Nature Switzerland AG, 2023. P. 389.*)

²⁵ *Карлусов В., Кудин А. Модель государственного регулирования экономики в Китае: ретроспективный анализ в мировых сопоставлениях // Мировое и национальное хозяйство. 2014. № 1(28). С. 1–20.*

²⁶ *Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М.: Вост. лит., 1996. С. 113–125.*

²⁷ Термин «приватизация» (私有化) в КНР по политico-идеологическим причинам предпочитают не использовать, что является одним из симптомов пока еще недостаточно высокого уровня институционализации частной собственности. Однако де-факто приватизация в секторе МСП развивалась уже начиная с 1980-х гг., в частности под лозунгом «удерживая крупное, отпустить мелкое».

- массовое акционирование крупных государственных предприятий, развивающееся с начала 1990-х гг., поэтапное превращение значительной их доли в смешанные государственно-частные компании, как и соответствующее развитие фондового рынка²⁸;
- создание и развитие национальной инновационной системы путем стимулирования «собственных инноваций» компаний различных форм собственности;
- экстенсивно-интенсивный тип экономического роста в период активной индустриализации и развития приватизационного процесса с поэтапным переходом от увеличения массы живого труда как главного фактора экстенсивного роста к повышению его производительности и, далее, к так называемой инвестиционной модели, когда основным фактором являлся опережающий рост капиталовложений²⁹;
- весьма успешное использование так называемого первого демографического дивиденда³⁰ в период форсированной индустриализации и политики сдерживания рождаемости³¹;
- стимулирование и использование одной из самых высоких в мире норм валового сбережения населения (более 50 %) — как внутреннего источника инвестиций — для максимизации нормы валового накопления капитала и соответствующего сохранения рекордно высоких темпов экономического роста в период форсированной индустриализации (1980–2000-е гг.)³²;
- постепенное и весьма медленное понижение нормы валового накопления капитала³³ и соответствующее повышение нормы конечного потребления населения, расширение емкости внутреннего рынка и активизация сектора услуг как нового драйвера национальной экономики в период перехода к постиндустриальному развитию (2010–2020-е гг.);
- государственное стимулирование перехода развивающейся рыночной экономики от преимущественно трудоемкого (1980–1990-е гг.) к преимущественно капиталоемкому (2000–2010-е гг.) и последующему относительно наукоемкому типу развития (2020–2030-е гг.);
- соответствующее поэтапное повышение производительности живого труда, а затем, пусть и с определенной волатильностью, производительности капитала, технологий и других факторов производства, приводящее в итоге к относительно быстрому рос-

²⁸ Подробнее об акционировании госпредприятий в КНР см., в частности: Островский А.В. Китайская модель перехода к рыночной экономике. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2007.

²⁹ По нашим подсчетам на базе данных Государственного статистического управления (ГСУ) КНР, например, в 2006–2011 гг. высокие темпы прироста ВВП (около 10 %) были преимущественно обеспечены в 2,2–2,5 раза более высокими темпами роста инвестиций в физический (основной и оборотный) капитал.

³⁰ Первый демографический дивиденд — эффект повышения валового национального дохода (ВНД) в период, когда рабочая сила прирастает быстрее, чем социальные группы-иждивенцы (дети и пенсионеры). Второй дивиденд — эффект повышения нормы валового сбережения и, как следствие, роста ВНД за счет накопления активов (в формах банковских депозитов и/или акций предприятий) лицами предпенсионного возраста.

³¹ Политика «одна семья — один ребенок» с теми или иными исключениями проводилась в Китае вплоть до 2015 г.

³² Среднегодовые темпы прироста реального ВВП в КНР в эти три десятилетия были, по разным оценкам, на уровне 9–10 %, а максимум нормы валового накопления был отмечен в 2009 г., составив 48 % от уровня ВВП. При этом вступление Китая в ВТО (2001), стимулировав превращение страны в «мировую фабрику», стало фактором повышения указанных темпов, которые в 2000-е гг. составили в среднем 10,6 % (10,2 % в подушевом исчислении).

³³ До ожидаемого к 2030 г. уровня 34 % (см.: China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. The World Bank; Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China. Washington: The World Bank, 2012. P. 9).

ту совокупной факторной производительности³⁴, и, как следствие, переходу на стадии преимущественно эффективного, а затем и инновационного развития³⁵;

– переход от имитационного (по отношению к более развитым экономикам) к инновационному типу роста и вызванная им трансформация двухзвенной национальной стратегемы развития «реформа и открытость» в современную трехзвенную «реформа, открытость и собственные инновации» (2010–2020-е гг.);

– высокий уровень монетизации национальной экономики — до 180–200 %³⁶ в среднем, соответствующий аналогичным показателям более развитых стран мира, стимулирующий ее развитие за счет роста общественного спроса и не вызывающий в то же время роста инфляции³⁷;

– эволюционно-анклавный тип маркетизации национальной экономики³⁸, создание территорий опережающего развития — так называемых специальных экономических зон (СЭЗ, 特区), массированные государственные и частные инвестиции в их инфраструктуру, льготный налогово-кредитный режим и ориентация их в большей степени на внешние рынки; по мере развития этих СЭЗ формирование на их базе целых «поясов открытости», в частности восточного, а затем северо-восточного и северо-западного;

– ориентация общества на гармоничное развитие за счет борьбы с бедностью и повышения доходов населения; постепенное обеспечение относительно высокого уровня социальной защиты граждан (2010–2020-е гг.);

– специфика национального менталитета великой в прошлом нации³⁹, «китайская мечта» восстановления этого величия и преобразования КНР, согласно т.н. «большой стратегии», из крупной региональной страны в одного из глобальных лидеров⁴⁰.

Реализация принципов и составляющих избранной Китаем модели социально-экономического развития — в совокупности с постоянным ее совершенствованием и

³⁴ СФП в КНР, составлявшая лишь 2–3 % вклада в прирост ВВП в 1952–1978 гг., возросла до 33 % в среднем в 1979–1995 гг. Однако, в последующем, в связи с реализацией в Китае упомянутой выше инвестиционной модели, она снизилась до 25–30 % в 2010-е гг. (для сравнения: на Тайване — 43–44 %, в Таиланде — 45–46, Южной Корее — 47–48 %). В то же время ныне темпы прироста СФП в КНР находятся на уровне или превышают соответствующие показатели более развитых экономик мира, что соответствует переходу страны на новую стадию развития. Подробнее см.: *Karlusov V., Kalashnikov D. Chapter 19. China // World Economy and International Business: Theories, Trends, and Challenges.* Springer Nature Switzerland AG, 2023. P. 391.

³⁵ Всемирный экономический форум (ВЭФ), в частности, подразделяет развитие стран мира на три основные и две промежуточные стадии: 1) развитие на основе экстенсивных факторов труда и капитала (factor-driven); 2) за счет повышения их производительности (efficiency-driven) и 3) за счет фактора знаний как основного драйвера развития (innovation-driven), а также стадии, переходные от первой ко второй и от второй к третьей.

³⁶ Отношение массы денег в обращении (M2) к ВВП.

³⁷ Подробнее о неокейнсианской политике эмиссионно-кредитной «накачки» экономики КНР для стимулирования темпов ее роста см.: *Karlusov V., Kalashnikov D. Chapter 19. China // World Economy and International Business: Theories, Trends, and Challenges.* Springer Nature Switzerland AG, 2023. P. 399.

³⁸ Предполагающий, в частности, постепенный переход национальной экономики к рыночным отношениям не только во времени, но и в пространстве (*Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М.: Вост. лит., 1996. С. 206, 250–280*).

³⁹ Вплоть до 1840-х гг., т.е. начала массированной колонизации Китая странами Запада, его доля в мировом ВВП составляла около одной трети, уменьшившись почти на порядок к 1949 г. (см. табл. 1).

⁴⁰ 中国大战略 [Большая стратегия Китая]. 作者: 胡鞍钢. 杭州, 2003年.

адаптацией к китайским условиям передового опыта более развитых экономик Восточной Азии и мира — позволили этой стране в относительно короткие сроки достичь значительных успехов по основным макроэкономическим параметрам, существенно увеличив свою роль в глобальной экономике. Так, с начала современных рыночных реформ, доля КНР в мировом ВВП (рассчитанном по паритету покупательной способности) увеличилась почти в 7 раз, превысив 20 %. В 2014 г. Китаю удалось по данному показателю обойти США и стать новым мировым лидером (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Доли Китая, Японии, Азии в целом и других крупных стран и регионов
в мировом ВВП в 1–2030 гг., %

Shares of China, Japan, Asia as a Whole and Other Major Countries and Regions
in Global GDP in 1–2030, %

Страна и регион	Годы								
	1	1820	1870	1913	1950	1973	2003	2019	2030*
Азия	75,1	56,2	36,0	21,9	15,5	16,4	29,5	46,2	53,3
В т.ч. Китай	26,2	32,9	17,2	8,9	4,5	4,6	11,5	19,2	24,2
Индия	32,9	16,0	12,2	7,6	4,2	3,1	5,0	7,8	9,2
Япония	1,2	3,0	2,3	2,6	3,0	7,7	7,7**	4,0	3,5
Остальная Азия, включая Южную Корею	16,1	7,3	6,6	5,4	6,8	8,7	13,0	15,2	19,9
США, Австралия, Новая Зеландия	...	1,9	10,0	21,6	30,7	25,3	23,7	15,1	13,0
Западная Европа	10,8	23,0	33,1	33,5	26,2	25,6	20,6	13,4***	13,0

Источник: составлено и подсчитано по Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд. Института Гайдара, 2015. С. 513; IMF. World Economic Outlook. April 2020.

*Прогноз.

**1998 г.

*** В составе зоны евро и Великобритании.

На пике форсированной индустриализации, приоритетной экспортной ориентации экономики и ее имитационного развития в 2000-е гг. Китай стал первой промышленной державой мира, своего рода «мировой фабрикой». Получив доступ на рынки западных стран в результате вступления в ВТО (2001 г.), КНР уже в 2010 г. стала мировым лидером по объему экспорта, а в 2012 г. — и по общей доле своего внешнеторгового оборота в мировой торговле товарами и услугами (см. табл. 2).

В рейтинге топ-10 экономик по объему привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Китай (с учетом Гонконга) в 2022 г. обошел США на 7,7% с показателем 307 млрд долл.⁴¹, а по вывозу прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) КНР (с учетом Гонконга) занимает вторую позицию в мире⁴² (см. табл. 3).

⁴¹ Данные и расчет по данным: World Investment Report 2023 // UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_ch01_en.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

⁴² Так, хотя в результате пандемии COVID-19 объем ПЗИ в 2022 г. сократился по сравнению с 2021 г. со 179 до 147 млрд долл., или на 17,9 %, что передвинуло КНР со второй на третью (после Японии) позицию в соответствующем мировом рейтинге, но, включая Гонконг, Китай оставался на второй, близкой к уровню США, позиции (см. табл. 3).

Таблица 2 / Table 2

Крупнейшие десять стран-экспортеров товаров и услуг
и их доли в мировом экспорте в 2021 г., млрд долл., %
The Ten Largest Countries Exporting Goods and Services
and Their Shares in World Exports in 2021, Billion Dollars, %

Место в рейтинге	Страна (экономика)	Объем экспорта, млрд долл.	Доля в мировом объеме, %
1	Китай	3548,55	12,71
2	США	2123,41	7,60
3	Германия	2004,25	7,18
4	Франция	879,69	3,15
5	Великобритания	860,13	3,08
6	Нидерланды	851,08	3,05
7	Япония	784,16	2,81
8	Гонконг	750,71	2,69
9	Южная Корея	750,39	2,69
10	Сингапур	733,77	2,63
	Мир	27930	100,0

Источник: данные и расчет по данным World Bank database. URL: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 12.03.2024).

Таблица 3 / Table 3

Китай, Япония и Южная Корея в структуре ведущих мировых экспортёров прямых зарубежных инвестиций в 2021–2022 гг., млрд долл., %
China, Japan and South Korea in the Structure of the World's Leading Exporters of Foreign Direct Investment in 2021–2022, Billion Dollars, %

Место в рейтинге в 2021 г.	Страна/экономика	Год		Индекс роста, 2021=100, %
		2021	2022	
1	США	350	373	106,57
2	Китай	179	147	82,12
3	Германия	165	143	86,67
4	Япония	147	161	109,52
5	Канада	97	79	81,44
6	Гонконг	96	104	108,33
7	Великобритания	85	130	152,94
8	Республика Корея	66	66	100,00
12	Сингапур	51	51	100,00
26	Тайвань (Китай)	11	16	145,46

Источник: данные и расчет по данным World Investment Report 2023 // UNCTAD. Р. 17. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_ch01_en.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

Несмотря на крупнейшее по численности население (второе в мире после Индии), Китай достиг весьма заметных успехов по ряду не только абсолютных, но и подушевых показателей развития. Так, по результатам 2022 г., валовой национальный доход

(ВНД)⁴³ в расчете на душу населения даже по официальному курсу валют достиг в КНР 12 850 долл. США, что, согласно классификации Всемирного Банка, превысило нижнюю границу группы стран с высоким доходом (12 616 долл.), как, впрочем, и соответствующий уровень России (12 830 долл.)⁴⁴. В расчете же по ППС этот показатель составил в 2022 г. 21 250 долл., увеличившись с 2000 г. почти в 7,4 раза с максимальным в мире темпом среднегодового прироста — 9,51 % (см. табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Динамика валового национального дохода Японии, Южной Кореи и Китая в сравнении с другими странами мира, в расчете на душу населения по паритету покупательной способности, в 2000–2022 гг., тыс. международных долл., %

Gross National Income Dynamics of Japan, South Korea and China in Comparison with Other Countries of the World, Per Capita Purchasing Power Parity, 2000–2022, Thousand International Dollars, %

Мировой рейтинг, 2022 г.*	Страна, экономика	Объем ВНД (ППС) по годам				Индекс роста, %, 2000=100	Среднегодовые темпы прироста, % **
		2000	2010	2020	2022		
1	Норвегия	36,480	58,850	67,820	118,440	324,67	5,50
3	Сингапур	43,510	74,580	86,640	107,030	245,99	4,18
8	США	36,800	49,050	64,770	77,530	210,68	3,45
—	Гонконг (Китай)	28,450	50,230	62,470	73,940	259,90	4,44
—	Макао (Китай)	31,640	84,830	69,020	70,930	224,18	3,74
15	Германия	27,050	39,730	58,150	65,300	241,41	4,09
28	Южная Корея	18,410	31,780	45,080	50,730	275,56	4,72
32	Япония	27,680	36,280	43,200	48,470	175,11	2,58
51	Российская Федерация	6,650	19,860	29,310	35,770	537,90	7,98
71	Китай	2,880	9,220	17,070	21,250	737,85	9,51

Источник: составлено и рассчитано по данным Всемирного банка. URL: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 19.06.2024).

*Рейтинг по объему ВНД в 2022 г.

**Использованы как среднегеометрические темпы прироста в 2001–2022 гг.

Восточноазиатская модель: общие характеристики, факторы, результаты и проблемы развития (вместо заключения)

Как подтверждает анализ соответствующего опыта Японии, Южной Кореи и других НИС ВА⁴⁵, а также Китая, в числе общих характеристик восточноазиатской модели

⁴³ Показатель валового национального дохода (gross national income) в последние десятилетия применяется ведущими мировыми институтами и базами данных, включая Всемирный банк, Международный валютный фонд и др., вместо прежнего показателя валового национального продукта (ВНП).

⁴⁴ World Bank database. URL: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 12.03.2024).

⁴⁵ См., в частности: Карлусов В.В., Захарова Л.В., Ребрей С.М. Восточноазиатская модель развития и ее страновые субмодели: общее и особенное (на примерах Японии и Южной Кореи) // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 1. С. 59–76. DOI: 10.31857/S0131281225010053

экономического и социального развития необходимо выделять *внутренние и внешние* факторы и обстоятельства, оказавшие и оказывающие воздействие на ее формирование и реализацию и в той или иной степени и мере типичные для всех из указанных выше стран и экономик, как и в целом процессов регионализации и глобализации в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). При этом к *внутренним факторам* относятся:

- относительно дешевая (особенно на начальных этапах догоняющего развития) и многочисленная рабочая сила, дисциплинированная, лишенная вредных привычек, послушная в управлении, скромная в потреблении, склонная к сбережению, легко подверженная обучению, переквалификации и ориентированная на повышение уровня образования. (Указанную рабочую силу и человеческий капитал в целом можно по сути рассматривать как главное конкурентное преимущество стран ВА на стадии догоняющего и — в определенной мере — последующего опережающего развития);

- мощная, активизирующая общественное сознание, национальная идея «восстановления былого величия нации», преодоления временной отсталости («догнать и перегнать Запад» и т.п.);

- более высокие нормы сбережения и накопления по сравнению с западными странами;

- традиционно сильная роль государства в экономике, обусловленная историко-экономическими причинами, в т.ч. неотделенностью государства от собственности, относительной неразвитостью института частной собственности и соответствующей относительной неполнотой рыночных отношений. (Государство, по сути, выступает как мощный политико-правовой гарант и инициатор догоняющего развития и эволюционных рыночных реформ как одного из способов успешной реализации данного развития);

- политическая стабильность, авторитаризм политических режимов, относительное «запаздывание» политических реформ по отношению к экономическим, отставание политической демократии от экономической;

- прогрессивная отраслевая политика, связанная, в частности, с сознательным уходом от сырьевой отраслевой ориентации экономики⁴⁶, затягивания стадии импортозамещения, с ориентацией на переток обученной рабочей силы и перелив капитала из трудоемких в капиталоемкие и затем — наукоемкие, высокотехнологичные отрасли с большей добавленной стоимостью продукции.

К основным *внешним факторам* восточноазиатской модели экономического и социального развития можно отнести:

- экспортную ориентацию экономики, проявившуюся, в частности, в существенном опережении роста экспорта по отношению к росту ВВП (это обстоятельство типично для всех стран ВА на стадии догоняющего развития, тогда как на последующей стадии наиболее крупные по численности населения страны, например КНР, балансируют между ориентацией экономики на внешний и внутренний рынки (т.н. «двойная циркуляция» экономики⁴⁷), и темпы роста ВВП и экспорта при этом выравниваются);

- создание государством привлекательного инвестиционного климата для всемерного привлечения прямых иностранных инвестиций;

- привлечение извне прогрессивных технологий и высококвалифицированной рабочей силы (менеджеров) в ходе производственно-инвестиционного сотрудничества;

⁴⁶ Подобная сырьевая ориентация, в т.ч. монокультурная, например ориентированная на максимизацию экспорта риса, каучука и других товаров с невысокой добавленной стоимостью, была в большей степени характерна для менее развитых стран ВА на начальном этапе их индустриализации (Таиланда, Вьетнама, Лаоса и др.), тогда как более развитые страны (Япония, РК, Сингапур и др.), будучи обделенными природными ресурсами, форсировали индустриализацию на базе преимущественно трудоемких производств, постепенно трансформируя их в капитало- и наукоемкие.

⁴⁷ Салицкий А.И. Два контура: Китай ответил на вызовы 2020 года // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3. С. 48–60. DOI: 10.31857/S013128120015120–3

– совпадение по времени национальной индустриализации с глобализацией и информационно-коммуникационной революцией в промышленно развитых странах, компьютеризацию и «сервисизацию» национальной экономики как факторы ускорения экспорториентированной индустриализации;

– экспортную ориентацию сферы услуг как фактор перехода всей или части национальной экономики к постиндустриальной стадии развития.

Опыт стран ВА показывает, что в рамках реализации восточноазиатской модели экономического и социального развития происходит взаимное *сочетание и наложение* присущих ей внутренних и внешних факторов, в частности сознательное сочетание в отраслевой политике *моделей импортозамещения и экспортной ориентации экономики*.

При этом на *национальном уровне* образцом такого сочетания может служить механизм т.н. «двойного роста», когда экспортная ориентация сырьевых отраслей добывающей промышленности подготавливает материальную и финансовую базу для импортозамещения в трудоемких отраслях обрабатывающей промышленности, тогда как последующая экспортная ориентация данных отраслей, в свою очередь, готовит базу для импортозамещения в капиталоемких, а затем и научноемких отраслях промышленности и их последующей экспортной ориентации.

На *транснациональном уровне* одним из примеров указанного сочетания внутренних и внешних факторов восточноазиатской модели является т.н. модель «летящих гусей» *Канаме Акамацу*⁴⁸ (в научной литературе также известная как «каскад», «лестница», «ступенчатая технологическая индустриализация» и т.п.), которая по сути представляет собой образец поэтапной коллективной индустриализации и догоняющего развития на региональном уровне, т.е. целой группы соседних стран (в ходе ее реализации в Восточной и Южной Азии происходил и происходит перенос производств и технологий по «щепочке», например, Япония — Гонконг, Тайвань, Сингапур, Южная Корея (НИС «1-й волны») — Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия (НИС «2-й волны») — Китай, Индия, Вьетнам).

В числе вполне очевидных конкурентных преимуществ восточноазиатской социально-экономической модели необходимо отметить *традиционно сильную экономическую роль государства* на Востоке и ее *модификацию* в современных условиях, проявляющуюся, в частности, в изменении соотношения между административно-организационными, с одной стороны, и нормативно-правовыми, финансово-экономическими, с другой, методами и средствами государственного регулирования экономики на различных стадиях и фазах догоняющего и последующего опережающего развития, соответствующих либеральных рыночных реформ и процесса институализации частной собственности.

Исторические и социально-психологические истоки (как одну из причин успеха) восточноазиатской модели следует искать в длительном существовании общественной и частной собственности в рамках азиатского способа производства, в специфике национального менталитета на Востоке, при которой индивид опосредует свои личные интересы интересами общества, включая такие его структурные компоненты, как МСП, корпорации и государство.

В качестве характеристик восточноазиатской социально-экономической модели следует также указать на сохранение, как правило, в относительно небольших объемах государственного сектора экономики в формах *общественного предпринимательства*, а также *государственно-частного партнерства* (ГЧП), что не противоречит общему развитию приватизационного процесса и эволюции частной собственности как имманентной основы рыночной экономики.

Другой общей чертой данной модели является *государственное планирование* развития, сохраняемое в условиях как переходной, так и развивающейся и развитой рыночной экономики (в отличие от административно-командной экономики такое планирование является не директивным, а *индикативным*). Как правило, существуют кратко-,

⁴⁸ Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries // *The Developing Economies*. 1962. No. 1 (1). Pp. 3–25.

средне- и долгосрочные национальные планы и программы развития. Государство также принимает активное прямое и опосредованное участие в формировании и последующем развитии национальных инновационных систем.

Основные проблемы и трудности, возникавшие и возникающие для восточноазиатской модели развития, связаны с такими внутренними обстоятельствами и причинами как недостаточная институализация частной собственности, неполная отделенность собственности от государства и связанная с ней коррупция государственного аппарата, унаследованные от феодализма сильные кровнородственные и клановые связи в бизнес-структурах реального и финансово-банковского секторов экономики.

К внешним обстоятельствам указанных проблем следует отнести чрезмерную ориентацию и зависимость от привлечения иностранных коммерческих кредитов, в том числе краткосрочного капитала, неадекватное противодействие деятельности международных валютных спекулянтов, присущие, прежде всего, малым странам и экономикам нестабильность валютных курсов и недостаточность золотовалютных резервов (ЗВР), проявившиеся и проявляющиеся в периоды региональных и мировых экономических кризисов (например, азиатского валютно-финансового кризиса 1997–1998 гг., мирового кризиса 2008–2010 гг., глобальных кризисных явлений 2010 — начала 2020-х гг.).

В числе конкретных мер, применявшихся и применяемых в целях соответствующей антикризисной корректировки восточноазиатской социально-экономической модели, следует выделить такие направления как: нахождение баланса между ориентацией экономики на внешний и внутренний рынки, укрепление финансово-банковской сферы, оздоровление отношений с ней государства, борьба с коррупцией, поддержка реального сектора, мелкого и среднего бизнеса, дальнейшая прогрессивная отраслевая диверсификация экономики, повышение роли ее высокотехнологичного сектора, рациональное использование золотовалютных резервов для стабилизации валютного курса, реструктуризации экономики, продолжения ее устойчивого догоняющего и опережающего развития.

Следует также отметить, что характерный для ВАМР корпоративизм (будь то пожизненный найм в Японии или долевое владение акциями компаний со стороны работников в Китае), с одной стороны, закрепляя рабочую силу за корпорацией, в какой-то мере ограничивает свободу движения факторов производства, адекватную т.н. «нормативной рыночной экономике», с другой же стороны, является мощным социально-психологическим инструментом преодоления отчуждения непосредственного производителя от условий и результатов производства, присущего частной собственности.

Для ВАМР, по сравнению с моделями стран Запада и других регионов мира, как правило, характерны не только более высокая норма накопления капитала на стадии индустриализации⁴⁹, но и более высокий совокупный уровень инвестиций как в физический, так и в человеческий капитал на постиндустриальной и переходной к ней стадиях, основными источниками которого являются более высокая норма валового сбережения населения, а также благоприятный инвестиционный климат, ориентированный на привлечение иностранного капитала.

Созданные в рамках ВАМР системы государственно-институционального регулирования экономики не только обеспечивают более высокие, чем на Западе, темпы экономического роста на этапе индустриализации, но и последующую более быструю смену стадий развития экономики, включая переход к современному эффективному и инновационному росту, трансформацию догоняющего развития в опережающее.

Присущий ВАМР механизм государственно-частного партнерства обеспечивает, помимо прочего, ориентацию восточноазиатских ТНК на приоритетное выполнение национальных экономических интересов, даже в случаях массового выноса ими производств за рубеж (т.н. аутсорсинга). С другой стороны, по мере глобализации таких крупнейших экономик мира, как китайская, эти национальные интересы все в большей мере постепенно трансформируются в макрорегиональные и глобальные.

⁴⁹ Соотношение объемов инвестиций в физический (основной и оборотный) капитал к ВВП в %.

Следует также заключить, что ВАМР по сути явились и является одним из главных драйверов развития интеграционных процессов в ВА и АТР в целом, причем не только на *региональном* (например, в формате «АСЕАН+3»), но и на *трансрегиональном* уровнях формирующейся глобальной экономики (в частности, в формате «АСЕАН+6» или РВЭП)⁵⁰.

Литература

- Аводокушин Е.Ф. Достижения и проблемы китайской инициативы «Один пояс, один путь»: о некоторых итогах 10-летней реализации // *Пространственная экономика: проблемы региональных экономических объединений*. М.: «Перо», 2023. С. 14–22.
- Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М.: Форум, 2009. 557 с.
- Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиск новой идентичности. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 333 с.
- Дальневосточный центр мировой экономики / Отв. ред. Акимов А.В. М.: Институт востоковедения РАН, 2024. 308 с.
- Карлусов В.В., Захарова Л.В., Ребрей С.М. Восточноазиатская модель развития и ее страновые субмодели: общее и особенное (на примерах Японии и Южной Кореи) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2025. № 1. С. 59–76. DOI: 10.31857/S0131281225010053
- Карлусов В.В., Калашников Д.Б. Глава 18. Китай // *Мировая экономика и международные экономические отношения* / Под ред. А.С. Булатова. Москва: КноРус, 2021. С. 361–389.
- Карлусов В., Кудин А. Модель государственного регулирования экономики в Китае: ретроспективный анализ в мировых сопоставлениях // *Мировое и национальное хозяйство*. 2014. № 1 (28). С. 1–20.
- Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М.: Вост. лит., 1996. 382 с.
- Кондрашова Л.И. Китай: к новой модели общественного развития. М.: ИД «ФОРУМ», 2017. 336 с.
- Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо / Перевод с кит. яз. М.: Восточная литература РАН, 2001. 367 с.
- Островский А.В. Китайская модель перехода к рыночной экономике. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2007. 205 с.
- Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М.: ИД «ФОРУМ», 2011. 352 с.
- Портяков В.Я. Муравей грызет кость. М.: ИД «ФОРУМ», 2018. 461 с.
- Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. Экономика современной Азии: учебник. М., 2011. 264 с.
- Салицкий А.И. Два контура: Китай ответил на вызовы 2020 года // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 3. С. 48–60. DOI: 10.31857/S013128120015120-3
- Akamatsu K.A. Historical pattern of economic growth in developing countries // *The Developing Economies*. 1962. No. 1 (1). Pp. 3–25.
- Bertalanfy L. V. General System Theory. Foundations, Development, Applications. NY, 1969. 295 p.
- Blanchard B.S., Fabrycky W.J. Systems Engineering and Analysis. Prentice Hall, 2006. 846 p.
- China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. The World Bank; Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China. Washington: The World Bank, 2012.
- Chun L. China and Global Capitalism. Palgrave Macmillan, 2013. 266 p.
- Karlusov V., Kalashnikov D. Chapter 19. China. in *World Economy and International Business: Theories, Trends, and Challenges*. Springer Nature Switzerland AG, 2023. Pp. 385–411.
- Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. OECD. Paris, 2001. 273 p.
- Sutherland J. W. Systems: Analysis, Administration and Architecture. NY, 1975. 339 p.

⁵⁰ Включая в себя Австралию и Новую Зеландию, РВЭП де-факто является трансрегиональным мегапартнерством стран АТР, выходящим за рамки географических регионов Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. По нашим расчетам на базах данных ВБ, МВФ и ВТО, уже к 2017 г. его доли в мировых ВВП (по ППС) и экспорте товаров, составив соответственно 32 и 34%, превысили аналогичные доли возглавляемого США Транстихоокеанского партнерства (ТТП) в 1,14 и почти в 1,5 раза. К началу 2020 г. объем ВВП РВЭП даже по официальному курсу валют превзошел аналогичные объемы ЕС (в составе 27 стран) и ЮСМКА (США, Канада, Мексика) соответственно в 1,37 и 1,06 раза.

World Investment Report 2023 // UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_ch01_en.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

中国大战略 [Большая стратегия Китая]. Автор: 胡鞍钢. 杭州, 2003年. 212页.
外交学: 理论与实践 (下) [Дипломатия: теория и практика] / 杨闻等著. 北京: 世界知识出版社, 2018年. 315页.

The East Asian Development Model and Its Country Submodels: General and Specific (Based on the Example of China)

Vyacheslav V. Karlusov

Dr.Sc. (Economics), Professor, World Economy Department, MGIMO-University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2632-1542.
E-mail: vk5577@yandex.ru; karlusov@mgimo.ru

Received 17.12.2024.

Abstract:

In the presented article, from the methodological standpoint of a retrospective system analysis, a study of the general and special characteristics of the East Asian development model (EADM) is carried out, taking into account the relevant experience of modern China. In the introduction of the article, the author's understanding of the economic development model of a particular region of the world and its member countries is given, as well as the relevance and importance of a system analysis of national adaptation and scaling in the PRC as one of the largest countries in the world (the first in terms of national economy, the second in terms of population and the third in terms of territory size). The main part of the article presents the author's version of the periodization and evolution of China's economic and social development strategy in the second half of the 20th — first quarter of the 21st centuries. The general features and national specifics of the institutional regulation of the transition of the Chinese economy from extensive to intensive growth, from the industrial to the post-industrial stage, from the imitation to the innovative type of development are studied. The mechanisms of public-private partnership (PPP) have been studied, including the specifics of government relations with corporate, small and medium-sized enterprises (SMEs). In the second section of the main part of the article, generalizing conclusions are formulated concerning the constructive advantages of the EADM, explaining the generally successful catching-up and subsequent outstripping development of a number of countries and economies using certain variants of this model. In particular, it was stated that the systems of state and institutional regulation of the economy created within the framework of the EADM not only ensure higher rates of economic growth at the stage of industrialization than in the West, but also the subsequent faster change of stages of economic development, including the transition to modern efficient and innovative growth, the transformation of catching-up development into advanced development. The most common disadvantages and problems of the EADM are also characterized, in particular, regarding the corrupt fusion of power structures and business, as well as the methods used and ways to overcome them.

Key words:

East Asian model, China, state regulation of the economy, corporations, SMEs, PPP, catching up and advancing development.

For citation:

Karlusov V.V. The East Asian Development Model and Its Country Submodels: General and Specific (Based on the Example of China) // Far Eastern Studies. 2025. No. 2. Pp. 116–130.
DOI: 10.31857/S0131281225020081.

References

Akamatsu K.A. historical pattern of economic growth in developing countries. *The Developing Economies*. 1962. No. 1 (1). Pp. 3–25.

Aydokushin E.F. Dostizheniya i problemy kitajskoj iniciativy "Odin poyas, odin put": o nekotoryh itogah 10-letnej realizacii [Achievements and challenges of China's Belt and Road Initiative: some results of 10 years of implementation]. *Prostranstvennaya ekonomika: problemy regional'nyh ekonomicheskikh ob"edinenij*. M.: «Pero», 2023. Pp. 14–22. (In Russ.)

- Berger Y.A. Ekonomicheskaya strategiya Kitaya [China's Economic Strategy]. M.: Forum, 2009. 557 p. (In Russ.)
- Bertalanfy L.V. General System Theory. Foundations, Development, Applications. NY, 1969. 295 p.
- Blanchard B.S., Fabrycky W.J. Systems Engineering and Analysis. Prentice Hall, 2006. 846 p.
- China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. The World Bank; Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China. Washington: The World Bank, 2012.
- Chun L. China and Global Capitalism. Palgrave Macmillan, 2013. 266 p.
- Dal'nenvostochnyj centr mirovoj ekonomiki [Far Eastern center of the world economy] / Otv. red. Akimov A.V. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2024. 308 s. (In Russ.)
- Karlusov V.V. Chastnoe predprinimatel'stvo v Kitae [Private enterprise In China]. M.: «Vostochnaja literatura», 1996. 382 s. (In Russ.)
- Karlusov V.V., Kalashnikov D.B. Glava 18. Kitaj [Chapter 18. China]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya. Otv. red. A.S. Bulatov. M.: KnoRus, 2021. S. 361–389. (In Russ.)
- Karlusov V., Kalashnikov D. Chapter 19. China. in *World Economy and International Business: Theories, Trends, and Challenges*. Springer Nature Switzerland AG, 2023. Pp. 385–411.
- Karlusov V., Kudin A. Model' gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki v Kitae: retrospektivnyj analiz v mirovyh sopostavleniyah [The Model of State Regulation of the Economy In China: A Retrospective Analysis in World Comparisons]. *Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo*. 2014. No. 1 (28). Pp. 1–20. (In Russ.)
- Karlusov V.V., Zakharova L.V., Rebrey S.M. The East Asian Development Model and Its Country Submodels: General and Specific (Based on the Examples of Japan and South Korea). *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2025. № 1. Pp. 59–76. DOI: 10.31857/S0131281225010053. (In Russ.)
- Kondrashova L.I. Kitaj: k novoj modeli obshchestvennogo razvitiya [China: Towards a New Model of Social Development]. M.: ID «FORUM», 2017. 336 s. (In Russ.)
- Lin Ifu, Cai Fang, Li Zhou. Kitajskoe chudo [Chinese miracle]. M.: Vostochnaya literatura RAN, 2001. 367 p. (In Russ.)
- Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. OECD. Paris, 2001. 273 p.
- Ostrovskij A.V. Kitajskaya model' perekhoda k rynochnoj ekonomike [China's Model of Transition to a Market Economy]. M.: IDV RAN, 2007. 205 s. (In Russ.)
- Pivovarova E.P. Socializm s kitajskoj specifikoj [Socialism with Chinese characteristics]. M.: ID «FORUM», 2011. 352 s. (In Russ.)
- Portyakov V.YA. Muravej gryzет kost' [Ant is gnawing a bone]. Moscow: ID «FORUM», 2018. 461 s. (In Russ.)
- Potapov M.A., Salickij A.I., Shahmatov A.V. Ekonomika sovremennoj Azii [Economy of modern Asia]. M., 2011. 264 s. (In Russ.)
- Salickij A.I. Dva kontura: Kitaj otvetil na vyzovy 2020 goda [Two Circuits: China's Response to 2020 Challenge]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2021. No. 3. S. 48–60. DOI: 10.31857/S013128120015120-3. (In Russ.)
- Sutherland J.W. Systems: Analysis, Administration and Architecture. NY, 1975. 339 p.
- Vinogradov A.V. Kitajskaya model' modernizacii. Poisk novoj identichnosti [The Chinese model of modernization: the search for a new identity]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2005. 333 p. (In Russ.)
- World Investment Report 2023. UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_ch01_en.pdf (accessed: 12.06.2023).
- 中国大战略 [China's grand strategy]. 作者: 胡鞍钢. 杭州, 2003年. 212页. (In Chin.)
- 外交学: 理论与实践 (下) /杨闻等著 [Diplomacy: Theory and Practice] / 杨闻等著. 北京: 世界知识出版社, 2018年. 315页.